

Фан Чжи спокойно сказал:

— Тебе вовсе не обязательно было подставлять кухарку Ли. Достаточно было свалить вину на любого, кто мог вызвать подозрения в краже.

Шаояо, наблюдая, как Фан Чжи шаг за шагом приближается к ней, начала бледнеть, не в силах вымолвить ни слова.

— Шаояо, ты действительно умна. С самого начала, как ты начала давать показания, я почувствовал нечто странное. Время пропажи ожерелья — с полудня до вечера. Кухарка Ли давала свои показания честно, следуя этому временному промежутку, с полудня до вечера. — Фан Чжи медленно шагал. — А ты, когда тетушка упомянула, что послала тебя за шелковым платьем, быстро вставила своё слово, сразу перескочив через полдень и начав рассказывать свои показания с вечера.

— Так что на самом деле, время, когда никто не может подтвердить твоё алиби, кроме вечернего похода в уборную, — это ещё и полдень. Тетушка встала, причесалась, вышла погреться на солнце. В эти моменты подозрений не было. Но тетушка говорила, что для того, чтобы лично забрать шелковое платье из лавки, нужно было взять записку, верно?

Лицо Шаояо, обычно такое красивое, теперь побледнело.

— Тетушка и две служанки грелись на солнце, в это время в комнате тетушки никого не было, верно? Ты взяла записку, и, возможно, случайно взяла что-то ещё?

Фан Чжи присел на корточки, его взгляд пронзал Шаояо не скрываемым разочарованием.

Шаояо сглотнула и произнесла:

— Нет, я ничего не брала. За такое короткое время, как я могла украсть ожерелье?

— Потому что ты личная служанка, — ответил Фан Чжи. — Все шкатулки для украшений выглядят одинаково, даже господин Гу, который каждый день проводит время с женой, долго ищет нужную. Но ты, как личная служанка, помогаешь хозяйке укладывать волосы, надевать нефритовые шпильки, ты каждый день видишь их и можешь легко определить, в какой шкатулке какое ожерелье. Взять записку и украсть ожерелье — времени вполне достаточно.

Видя, что Шаояо всё ещё не хочет признаваться, Фан Чжи с притворным сожалением кивнул, встал и сказал:

— Хорошо. Тогда я расскажу твой процесс преступления, а если что-то будет не так, Шаояо, ты обязательно поправь меня.

Его слова звучали игриво, с подъёмом и падением интонаций, но это только усилило холод в сердце Шаояо.

— Хотя я не знаю, когда у тебя возникла эта мысль, но я могу быть уверен, что ты украла ожерелье, когда тетушка послала тебя за шелковым платьем, и ты вернулась в комнату за запиской для лавки. Лавка находится далеко, ты шла довольно долго, чтобы забрать платье и вернуться в Дом Гу. Но ты неожиданно обнаружила, что я сегодня пришёл, и запаниковала, думая, что если господин и госпожа сегодня обнаружат пропажу ожерелья, они, вероятно, обратятся ко мне за помощью, и всё раскроется. Поэтому ты быстро решила свалить вину на кого-то другого. Но служанки все знают друг друга, они близки, и подставить их сложно,

поэтому ты выбрала кухню.

Шаояо, стоя на коленях, дрожала.

Фан Чжи продолжал неспешно:

— Итак, ты в панике отдала платье встреченной по пути Алань и побежала на кухню. Удача была на твоей стороне, ты узнала, что кухарка Ли одна ушла в сад за персиками, и была вне себя от радости. Ты быстро намазала руки маслом, притворилась, что у тебя болит живот, и тайком пробралась в комнату госпожи, намазала маслом внешнюю сторону шкатулки и быстро смыла его.

— Но Шаояо, мой совет тебе: подставить человека, которого знаешь, сложно, а подставить того, кого совсем не знаешь, ещё сложнее. Ты никак не ожидала, что кухарка Ли — левша. Но левша — это не проблема, если ты намажешь маслом обе руки, то никто ничего не заметит. Но ты намазала только правую.

Шаояо, обессиленная, упала на пол, её глаза начали краснеть.

Увидев это, Гу Цзыи уже был уверен, что ожерелье украла Шаояо, и пришёл в ярость, но Чжу Цзин тихо взяла его за руку, давая знак подождать.

Шаояо усмехнулась, но слёзы начали капать крупными каплями, она с ненавистью произнесла:

— Ты говоришь, что я украла ожерелье, тогда обыщи меня. Фан Чжи, я тебе говорю, твои догадки ничего не доказывают. Если сможешь найти ожерелье в моей комнате, тогда я признаю, иначе я умру, но не признаюсь.

Фан Чжи снова подошёл к Шаояо. Он снова присел на корточки, с грустью глядя на эту девушку, с которой он был знаком и играл три года, и тихо сказал:

— Хорошо, тогда, как ты пожелаешь.

— Шаояо, ты сегодня очень красива, это было моё первое впечатление, когда я увидел тебя вечером. — Фан Чжи протянул руку, слегка коснувшись двух нефритовых шпилек, вставленных в левую часть её причёски. — Новые и великолепные, какие красивые. Дорогие, правда?

— Ожерелье я не найду. Потому что по дороге в лавку ты разрешила нить жемчужного ожерелья, положила жемчужины одну за другой, обменяла их в ломбарде на серебро и сразу купила две шпильки, которые сейчас на тебе. — Фан Чжи сказал. — Именно поэтому ты намазала маслом только правую руку. Шпильки вставлены с левой стороны, ты оставила левую руку чистой, чтобы во время бега поддерживать шпильки, чтобы они не упали.

— Жемчужины, которые ты сдала в ломбард, находятся в одном или нескольких ломбардах на пути из Дома Гу в лавку, их ещё можно найти. Но ты, конечно, не хотела просто так потратить такую большую сумму, поэтому оставила несколько самых крупных и красивых жемчужин, положив их в ароматический мешочек.

Фан Чжи встал и сказал:

— Шаояо, мешочек тяжёлый? Болит ли поясница?

Шаояо только опустила голову, слёзы текли рекой, она не двигалась. Ароматический мешочек

висел у её бока, как нежная бабочка со сломанным крылом, едва держась.

Гу Цзыи крикнул:

— Принесите мне этот мешочек!

Стоявший рядом стражник тут же подошёл, сорвал мешочек с пояса Шаояо и передал его Гу Цзыи. Гу Цзыи открыл мешочек, высыпал травы в руку, и среди них оказалось несколько жемчужин с розовато-белым блеском, гладких, крупных, прозрачных, как капли слёз красивой женщины.

Фан Чжи сегодня рано уселся в Зале Священных Обрядов.

Он сидел прямо, перед ним были аккуратно разложены кисть, тушь, бумага и тушечница, на столе лежали свитки, словно он усердно учился, но глаза его то и дело бросали взгляды на дверь.

Сосед, сидевший рядом, наклонился и спросил:

— Фан Чжи, ты что всё время на дверь смотришь?

Фан Чжи тут же поднял книгу и сказал:

— Нет, я не смотрю.

— Говоришь нет. Твой взгляд, будто ждёшь свою возлюбленную. — Сказав это, человек захихикал. — Ждёшь нашего «неприступного цветка»?

Ты прав. Фан Чжи подумал, но вслух сказал:

— Тебе надо к врачу сходить, зрение у тебя плохое.

— Ой-ой-ой, вчера вместе поели, и уже вознёсся? Не можешь быть хоть немного скромным?

Фан Чжи посмеялся над ним:

— Я не скромный, а ты скромный? Когда ты признаешься в чувствах своей Сяогэ, тогда и поговорим.

Они смеялись, когда в Зале Священных Обрядов кто-то вошёл. Фан Чжи бросил взгляд и отвёл глаза.

Гуань Юэ, одетый в чёрные одежды, медленно подошёл к Фан Чжи. Фан Чжи скучающе сидел на своём месте, подперев голову левой рукой, а в правой вертел кисть, не обмакнув в тушь.

Гуань Юэ, почти подойдя к месту Фан Чжи, замедлил шаг, не глядя на него, но явно говоря Фан Чжи:

— Неужели ты так возгордился из-за того, что вчера помог генералу Гу поймать вора?

Отец Гуань Юэ был гражданским чиновником при дворе, а Гу Цзыи — военным. Фан Чжи не удивился, как он узнал об этом, и лениво ответил:

— Вор тоже вор.

Гуань Юэ остановился и прямо сказал:

— Держись от него подальше.

Фан Чжи с отвращением отодвинулся и сказал:

— Брат Гуань, лучше не говори со мной, вдруг запах передастся. Сяннань, кажется, не любит твой запах, боюсь, ему станет плохо.

Гуань Юэ скрипнул зубами и ушёл.

Сосед тихо показал Фан Чжи большой палец.

Фан Чжи долго ждал и наконец дождался Чу Сяннаня. Чу Сяннань сегодня сменил шпильку на прозрачную нефритовую цвета озёрной воды, аккуратно уложив свои мягкие чёрные волосы, открывая изящные уши. Его дорогой наряд цвета слоновой кости был украшен полосой светло-зелёного шёлка шириной около полутора сантиметров, а у ног были вышиты изящные узоры из листьев, что делало его образ свежим и элегантным. Чу Сяннань шёл медленно, словно не обращая внимания на окружающих, его глаза, как спокойное озеро, лишь слегка взволновались, когда он увидел Фан Чжи, машущего ему с улыбкой.

<http://bllate.org/book/16491/1498736>